

своими словами, а шел по пути выбора нужных ему строк. В этой непеведенной части «Сказания» нет общих фраз и сентенций; характерные для этой темы мысли — о тщетности богатства, о том, что праведнику смерть не страшна, о равенстве всех перед смертью — облечены в форму конкретных примеров, изложенных в виде ярких сравнений с привлечением бытовых зарисовок. Диалог между Смертью и мистром проникнут сарказмом и иронией. Так, мистр говорит Смерти, что ей все же нужна человеческая дружба, «чтобы они согрели тебя в своей бане». На что Смерть отвечает с неменьшим юмором, что она всех забирает, в том числе и «плебанов с толстой шеей... и толстых женщин». О лекарях Смерть говорит, что они не могут помочь людям: «когда сядут в мою школу... так им не найти зелья в саду». Судьи, когда попадут в ее руки, не будут выносить «несправедливые приговоры, принимая дары от злодеев». Далее Смерть объясняет, как она все живое в природе губит, называя лису, горноста, волка, рассказывая, как «через крестьянские плетни гонит журавлей и охотничью птицу выгоняет из чащи». Не щадит Смерть и церковных деятелей — кардиналов и епископов, душит каноников, пробошей и викариев, причем Смерть заявляет, что совесть ее за это не мучает. Особенно Смерть обрушивается градом издевательств на злых монахов, которых она обещает отдать «чертям в жертву».

Все это в русский текст не было включено.

Окончание, которого нет в польском тексте, а сохранилось только в русском переводе, заключает в себе следующее. Мистр спрашивает Смерть, где же она будет на страшном суде, на что Смерть отвечает, что она будет грешников к мукам гнать, и предупреждает мистра, чтобы он не забывал об этом. Произведение заканчивается восклицаниями мистра о неизбежности гибели.

Видимо, так заканчивается и польский оригинал, но, судя по наблюдениям над способом перевода сохранившейся части польского текста, можно думать, что и последний эпизод был переведен с таким же уклоном, как и вся остальная часть произведения.

Сопоставление оригинала с переводом показывает, что сокращения в переводе велись по двум линиям: 1) снимаются все образные сравнения и юмористические выражения, придающие произведению сатирическую окраску; 2) изложение становится более сжатым, исключаются подробности.

А. Брюкнер отметил уже, что русский переводчик «Разговора» превратил польский оригинал в скучное назидательное произведение. И действительно, как можно было убедиться на сопоставлении перевода с оригиналом, переводчик, допуская в ряде случаев пропуски, придал всему произведению совершенно другой колорит. Не говоря уже о том, что была снята стихотворная форма, произведение и по содержанию получило совсем иное звучание. Оно из сатирически острого, проникнутого юмором и иронией превратилось в назидательно-наставительное, утратившее почти всякую занимательность и приблизившееся к учительской литературе. Но мало того, редактору или лицу, переписывавшему его в Волоколамском сборнике, показалось, что эта цель не до конца достигнута, поэтому для усиления назидательности он счел нужным после текста «Сказания» поместить несколько изречений отцов церкви на ту же тему о неизбежности смерти.

Характер работы русского переводчика становится особенно наглядным, если сопоставить его с тем, как подошел к переводу того же диалога украинец.